

Шостакович Дмитрий
Скребинер Килинберг

Дополнения и известия, № 2-11
г. МОСКВА

24.09.66

24 СЕН 1966

— Какое из ваших произведений вы любите больше других?

— Не знаю, удовлетворит ли вас мой ответ. Видите ли, если бы я не любил своих сочинений, то, вероятно, не сочинял бы их. Знаете, есть такая русская поговорка: дитя хоть криво, отцу и матери мило. Думаю, вам понятен смысл, который я вкладываю в эти слова. Когда я слушаю свои сочинения, то отчетливо вижу их недостатки. И если бы я не видел последних, то, очевидно, уже не писал бы следующих сочинений. Во всяком случае, в каждом новом произведении я стремлюсь как-то избежать недостатков, которые я заметил в уже созданной музыке. Так что я не могу сказать, какое из собственных сочинений я люблю больше всего.

— Вы неоднократно и справедливо выражали мнение о жизнеспособности оперного жанра. Что, по вашему мнению, определяет эту жизнеспособность?

— Действительно, иногда можно услышать суждение, что оперный жанр ныне, так сказать, сходит на нет. Я с этим категорически не согласен. Жизнеспособность той или иной оперы от многого зависит. Например, от качества постановки, от качества исполнения. Трудно сказать, почему некоторые произведения не удерживаются в репертуаре. Конечно, здесь есть и вина композиторов, но роль самого театра, подчеркиваю, очень велика. Трудная проблема... Может, это и не имеет непосредственного отношения к вопросу, но все-таки... Скажем, «Борис Годунов» Мусоргского и «Борис Годунов» Пушкина. Как ни странно, но великое произведение поэта почти не имеет сценической жизни, а опера Мусоргского, наоборот, имеет богатейшую сценическую жизнь. Так что тут сложный комплекс...

— За рубежом ставится ваша опера «Нос». Как вы относитесь к этому факту и не считаете ли возможным постановку этого произведения на нашей оперной сцене?

— Видите ли, опера эта написана достаточно давно, и я изрядно ее подзабыл. Мне надо вернуться в прошлое и вспомнить ее. Тогда бы я смог высказать свое мнение относительно постановки «Носа» на нашей сцене. Откровенно говоря, сейчас у меня нет особенного желания обращаться к ней. Вот когда возник вопрос о постановке «Катерины Измайловой», у меня появилось желание поработать над этим своим произведением, создать вторую, что ли, редакцию. А надо ли возвращаться к моей первой опере, написанной в очень юном возрасте, не знаю. Подумаю, возьму партитуру и посмотрю...

— Какие из опер современных зарубежных композиторов вы считаете достоянием нашей сцены?

— Прежде всего оперы Бенджамина Бриттена «Питер Граймс», «Поворот

«ЧУДЕСНЫЙ У НАС СЛУШАТЕЛЬ»,

— говорит Дмитрий Шостакович, 60-летие которого исполняется в нынешнее воскресенье.

винта» (либретто в ней довольно нелепое, но замечательная музыка), «Сон в летнюю ночь». Все оперы великолепны. Больше сейчас не берусь называть...

— За последнее время и у нас, и за рубежом прозвучали ваши Вторая и Третья симфонии. Значит ли это, что авторское «вето» на эти сочинения не имеет больше силы?

— Я «вето» не чалагал. Просто говорил и повторяю сейчас, что не могу считать эти произведения удачными, что лучше, может быть, вместо них сыграть какое-нибудь другое мое сочинение.

— Каково ваше мнение о музыке в кинематографе?

— Музыка играет в кино огромную роль, и можно немало говорить о том, как ее использовать. Тут очень много интереснейших путей. Я люблю работать в кинематографе. Но каких-то специфических задач при этом перед собой не ставлю. Главное, тут нужна та-

кая же хорошая музыка, как везде. Конечно, соответствующая сценарию, идейному содержанию. А чрезмерные разговоры о специфике — это лишнее.

— Как вы относитесь к новой форме музыкального спектакля, так называемого мюзикала, наиболее ярким проявлением которого является, пожалуй, «Вест-Сайдская история» Леонарда Бернстайна?

— Я видел «Вест-Сайдскую историю». И мне она понравилась. Это интересное и талантливое сочинение. Однако, посмотрев «Вест-Сайдскую историю», я не увидел в этом какого-то особого жанра. Это просто музыкальный спектакль с хорошей музыкой.

— Расскажите немного о вашей творческой лаборатории.

— О себе, о собственном творчестве всегда трудно говорить. Если у меня хорошо идет работа, то пишу почти все время: и утром, и днем, и вечером. Очевидно, это неправильный творческий метод. К тому же я очень быстро пишу, что также считаю своим недостатком. Из-за этого у меня встречаются неудачные места, которые впоследствии иногда исправляю. Пожалуй, главную свою задачу я вижу в том, чтобы моя музыка обязательно находила отклик у слушателей. Поэтому, сочиняя, всегда думаю о слушателе. Далеко не всегда удается выполнить эту задачу, но стремлюсь к этому всегда. И не представляю музыкальное произведение, так сказать, без адреса. Повторяю, у меня нет строгого распределения дня. Раньше я мог работать сразу над несколькими произведениями. А сейчас нет. Теперь могу работать только над одним.

— Как «доходит» ваша музыка до слушателей?

— До публики? Иногда быстро, иногда нет... Здесь я должен от всей души поблагодарить исполнителей. Они делают все возможное. Я очень хоро-

шо чувствую, как мою музыку воспринимает аудитория. Именно не после, а во время самого исполнения воспринимаю, ощущаю. Тут, очевидно, помогает то, что я сам исполнитель и до 1958 года выступал. Если б не болевшая рука, не оставил бы исполнительской деятельности до сих пор.

— В последние годы вы занимались педагогической работой в Ленинградской консерватории. Что вы могли бы сказать об этой стороне вашей деятельности?

— В свое время я много занимался педагогической деятельностью. А потом наступил большой перерыв, который, собственно, продолжается до сих пор. А работа в консерватории с молодыми композиторами — это даже не педагогическая деятельность, а просто товарищеские встречи. Они не нуждаются в ежедневной опеке, школьной скамье. У всех и так очень хорошая подготовка. Это дружеские беседы, в которых я выступаю как старший товарищ.

— Могли бы вы назвать вашего любимого писателя, композитора?

— Вечный вопрос... Я считаю себя очень счастливым, что очень многих люблю. И русских, и зарубежных писателей, классиков и современных, так же как и композиторов. И думаю, что каждый человек, каждый музыкант должен воспитывать в себе такое отношение. Очень горячо всем это советую. А то так много иногда человек теряет... Кто-то даже про меня сказал, в упрек мне, что я всеяден, «ем», так сказать, всю музыку «от Баха до Оффенбаха». А я считаю это своим большим счастьем. Мне доставляют радость великая музыка Баха и в то же время мелодии Оффенбаха. Так что ни любимого композитора, ни любимого писателя я не могу назвать. Многие люблю и от очень многого, от очень многих писателей, композиторов, художников, скульпторов получаю радость, настоящую радость. Хотя возраст у меня солидный и я многое знаю, многое слушал, а все-таки хочу еще и еще слушать, и в десятки раз, и в сотый раз, и «Евгения Онегина», и новую оперу. У меня нет и любимых жанров. Очень люблю все жанры: от мессы Баха до оперетки, понимаете, Иоганна Штрауса и других.

— Вам приходилось в свое время работать с Маяковским и Мейерхольдом...

— Да, я писал музыку к «Клопу», который ставился в театре Мейерхольда. Тут я и познакомился с Маяковским, на выступления которого часто бывал. Поэт активно участвовал в постановках и давал, помнится, мне советы. «Я хотел бы», — говорил он, — чтобы музыка была похожа на оркестр пожарных!»

Фото В. Виноградова.